

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-187-191

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ — ОСНОВА УСПЕХА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на книгу: *Корнилов О. А. Контексты межкультурной коммуникации*. М.: ИД «Книжный Дом Университет», 2019. 184 с.

Последние десятилетия отличаются изобилием опубликованной научной литературы, посвященной вопросам теории и практики межкультурной коммуникации (МКК). Это и учебные пособия, и монографии, и результаты фундаментальных исследований.

Тем более интересной в этой связи оказывается книга О. А. Корнилова «Контексты межкультурной коммуникации», которая написана автором на основе значительного опыта преподавательской и исследовательской работы в крупнейших университетах мира в Аргентине, Боливии, на Кубе, в США, Перу, на Тайване, а также в Южной Корее.

Книга О. А. Корнилова привлекает неординарным подходом к постановке проблем, к выбору способов их разрешения и, как естественное следствие, к изложению материала.

Прежде всего внимание читателя обращается на фоновые знания участника коммуникации, от объема и качества которых непосредственно зависит успешность его деятельности в сфере МКК.

О. А. Корнилов выделяет три области фоновых знаний, или, как автор их называет, три контекста, сопряженные с МКК:

- (а) лингвистический контекст,
- (б) психологический контекст и
- (в) культурологический контекст.

Аргументируя тесную взаимосвязь выявленных контекстов, автор подчеркивает, что как раз совокупность знаний базовых категорий трех соответствующих дисциплин создает условия для перемещения процесса обучения тонкостям межкультурной коммуникации в необъятный информационный контекст, чтобы «сделать его максимально осмысленным и нацеленным на дости-

жение макроцели: умению максимально эффективно достигать поставленных коммуникативных целей в процессе межкультурного общения» (с. 4).

Совершая экскурс в историю становления МКК в качестве автономной парадигмы знания, равно как и в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины, автор видит ее истоки в непосредственно прагматическом русле, поскольку ее изначальная ориентация была сфокусирована, во-первых, на формировании практических компетенций в условиях межкультурного общения и, во-вторых, на разработке практических рекомендаций для общения с представителями иных культур в стандартных ситуациях разного уровня и целеполагания.

В начале книги дифференцируются причины и время возникновения интереса к проблемам межкультурной коммуникации в США и в Европе: в первом случае — поиски эффективных средств манипулирования вассалами штатов, во втором случае — поиски принципов сосуществования с массой мигрантов, наводнивших европейские страны.

Среди отличительных черт МКК автор указывает следующие:

- а) междисциплинарный характер,
- б) практическая направленность,
- в) деловая фокусировка.

Особое внимание автор обращает на важность с практической точки зрения такого вида МКК, как межкультурные контакты в сфере бизнеса, формальное и неформальное деловое общение, которое в условиях глобализации все чаще становится кросс-культурным, приобретает интернациональный характер.

Фоновые знания МКК организуются автором вокруг четырех видов контекста, а именно:

- 1) лингвистический контекст межкультурной коммуникации,
- 2) психологический контекст межкультурной коммуникации,
- 3) культурологический контекст межкультурной коммуникации,
- 4) геополитический контекст межкультурной коммуникации.

Первая глава книги посвящена изучению проблем лингвистического контекста межкультурной коммуникации. Здесь подчеркивается ипостасная сущность языка, представление о которой сформировалось в лингвистике совсем недавно, только к концу XX в.

Каждую ипостась языка автор связывает с выделением одного из аспектов языка в ее несомненной связи с другими его аспектами, а именно:

- язык — это *семиотический код*,
- язык — это *инструмент коммуникации*,
- язык — это *инструмент мышления и познания*.

Релевантность выбора методики обучения зависит от правильного представления о том, какая ипостась языка является целью овладения.

Размышляя о соотношении языка и мышления, автор ярко и убедительно аргументирует относительную автономность сознания по отношению к мышлению, без которого оно лишается динамики и становится пустым (с. 41).

Автор широко обосновывает такие характеристики мышления, как его многоуровневая сущность, высокие уровни абстракции его языковой формы, отсутствие оценочного компонента в дифференциации мышления, нетождественность мышления языку. О. А. Корнилов наглядно представляет язык как «средство оформления полученного знания, категоризатор невербального знания».

Во второй главе, размышляя о значении понятия *менталитет*, до сих пор не имеющего удовлетворительного определения, автор приводит около десятка его дефиниций, на основе анализа которых выдвигает инновационный вариант определения этого понятия, где акцентирует ряд его важнейших черт, как то: непрорефлексированность, эмоциональная окрашенность мировидения, с детализацией последнего на мировосприятие, мироосмысление и мирооценивание. В качестве единиц ментальности О. А. Корнилов называет ряд идиологем (с. 52), от выстраивания которых по степени важности и в соответствии с характером смыслового наполнения которых зависит тип культуры.

Книга интересна тем, что автор предлагает вниманию читателя ряд примеров описания специфичности психологии разных народов (от северных европейцев до японцев и индейцев кечуа), которые он называет зарисовками, или эскизами, подчеркивая при этом невозможность создания всеохватывающего и всестороннего описания ментальности даже одного народа, поскольку в природе не существует монолитного народа.

В разделе о соотношении языка и мышления автор убедительно показывает, какое воздействие оказывает оригинальность национального менталитета на разные уровни языка, что наиболее наглядно представлено в пословицах народа (с. 72).

В третьей главе автор рассматривает культурологический контекст межкультурной коммуникации. Наличие около двух с половиной сотен определений понятия *культура* свидетельствует о его несомненной сложности.

В зависимости от типа общности людей выделяются культуры этнические, национальные и локальные. Впервые употребленное в качестве теоретического термина слово *культура* в работе Цицерона (45 г. до н. э.) означало «возделывание ума и души человека». До конца XVII века оно употреблялось именно в этом смысле — «как результат деятельности людей, направленной на преобразование того, что создано непосредственно природой с целью создания альтернативной природе рукотворной и более комфортной среды обитания человека». Автор, прослеживая развитие этого понятия, отмечает приобретение им *оценочного значения*, появление которого связывается с фактом оформления новой, оценочной интерпретации культуры к концу эпохи Просвещения. Автохтонные определения понятия *культура* противопоставляются пониманию культуры в Китае, Корее и Японии.

Детально рассматриваются семь отраслей духовной культуры (мистика, искусство, мифология, философия, религия, наука, идеология), которая как таковая началась с захоронения предков и осознания людьми своей смертности.

Автор советует при этом внимательно прочитать мифы народа, чтобы понять его душу (с. 95).

Понимание бытовой культуры как способа формирования материально-культурного окружения человека подвергается критике автором, который считает его в некоторой степени суженным (с. 96), так как оно не содержит идею функционирования социума. На многочисленных конкретных примерах автор показывает чрезвычайную важность знания именно бытовой культуры при любых видах коммуникации.

О. А. Корнилов, как нам представляется, проводит интересную параллель соотношения бытовой культуры с материальной и духовной культурами с соотношением речи и языка, рассматривая их как динамическую и статическую ипостаси одного целого: «Как речь — это форма реализации и способ функционирования языковой системы, так и бытовая культура — это способ функционирования народа в своей материальной среде в соответствии с нормами и ценностями своей духовной культуры» (с. 97).

Авторское структурирование культурного пространства открывает перспективу новой интерпретации сути соотношения традиционной национальной культуры и массовой культуры и способствует осознанию смысла процесса культурной универсализации в мировом масштабе (с. 102). Понятия *массовая культура* и *культурная универсализация* объединяются автором в одном разделе не случайно. Это помогает читателю найти ответы на актуальные вопросы: почему массовая культура ориентирована на агрессивно-потребительский тип личности? что такое культура «потребления образов»? почему она выгодна идеологам процесса глобализации? в чем причины вытеснения истинной культуры масскультурой? происходит ли универсализация культуры и почему бытовая культура становится все более унифицированной и универсальной?

В книге анализируются наиболее важные типы культур и на основе ряда критериев и параметров, включая и культурные доминанты, дается их характеристика:

- а) культуры автохтонные и гетерохтонные (исконные и привнесенные),
- б) культуры аполлонические (срединного пути) и дионисические (пути крайностей),
- в) культуры вины (мотив / регулятор поведения — общественное мнение) и культуры стыда (мотив / регулятор поведения — совесть),
- г) культуры постфигуративные (ориентированы на ценности прошлого) и конфигуративные (ориентированы на успешное настоящее),
- д) культуры маскулинные (ориентация на карьеру, конкуренция предпочтительнее кооперации) и феминные (ориентация на семью, кооперация предпочтительнее конкуренции),
- е) культуры высококонтекстные (Конфуций: совершенная речь устраняет слова) и низкоконтекстные (ориентация на официальную информацию и договоренности в письменной форме),

ж) культуры большой дистанции власти (авторитарный, жесткий стиль управления) и малой дистанции власти (установка на минимизацию неравенства в обществе),

з) культуры индивидуалистские (преобладание личных интересов над интересами группы) и коллективистские (оценка коллегиальных решений как оптимальных),

и) культуры долгосрочной ориентации общества (способность к долгосрочному планированию) и краткосрочной ориентации общества (пребывание в хронологической сингулярности, стремление урвать здесь и сейчас) (с. 116–143).

В четвертой главе анализируется влияние на деловую коммуникацию основных векторов современных геополитических процессов. О. А. Корнилов делает акцент на минимальной компетенции в области геополитики, которая, по мнению автора, предполагает знание ответов на ряд вопросов: что такое геополитика? кто является субъектами геополитики? что такое цивилизации? каковы основные векторы современных геополитических процессов? что такое глобализация и каковы ее последствия? На все эти вопросы автор предлагает лаконичные исчерпывающие ответы (с. 145).

Завершается книга представлением пяти потоков, или пространств, в виде которых мыслится феномен современной глобализации, а именно: медиaproстранство, этнопространство, технопространство, финансовое пространство, идеологическое пространство. Суть глобализации автор видит в перераспределении привилегий и дискриминации; это процесс рестратификации мира, процесс создания иерархии нового мирового масштаба.

Считаю необходимым привлечь внимание читателя к характерным чертам стиля О. А. Корнилова, который в научном повествовании удачно и ненавязчиво использует весьма оживляющие авторский лингвопрагматический дискурс: (а) метафорические образы (напр., фоновая информация сравнивается с подводной частью айсберга) (с. 4), (б) притчи (китайская притча о постройке нового дома и мн. др.) (с. 5), (в) полемические приемы на протяжении всего текста.

Несомненная актуальность книги в ее злободневности, в готовности обсуждать наиболее острые вопросы современного развития межкультурной коммуникации в совокупности с вопросами сохранения национального суверенитета. Данная книга будет, вне всякого сомнения, полезна как искушенным специалистам в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, так и начинающим исследователям.